

Таривердиев М.

24/II-82

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

21 ИЮН 1987

● РЕПЛИКА

В задних рядах интересуются...

Нет, спорить Александр Васильевич не стал.

— Конечно, — признал он, — нехорошо получилось. Но, видите ли...

Узнай я о случившемся с чужих слов, может быть, с пониманием отнеслась бы ко всему далее сказанному. Но дело в том, что в зале Дома органной музыки была сама... Впрочем, давайте по порядку.

...Он вышел на сцену. Высокий, заметно сутулящийся. Седеющий ежик коротко стриженных волос, дымчатые очки — огромными каплями. Такой знакомый по телеэкрану и в кои-то веки столь близкий, что можно спросить о чем угодно. Ведь не просто концерт — творческий вечер Микаэла Таривердиева.

Родиону Щедрину как-то признался слушатель в зале: «Сегодня нас интересует больше ваше мнение, чем ваша музыка». Тот понял, ответил: «У меня такое ощущение, что мы заждались разговора о музыке». Это верно. Заждались. Поэтому и вышел Микаэл Таривердиев к киевлянам с предложением: давайте не просто играть и слушать, давайте побеседуем — о том, что происходит в нашем музыкальном мире сегодня, о том, что нужно сделать, чтобы не допустить снижения духовности истинного искусства...

Композитор пришел не с пустыми руками: впервые в Киеве исполнялась его моноопера «Ожидание». Она прозвучала прологом к разговору...

Мы привыкли к тому, что

опера — это нечто развернутое. А здесь — единственная героиня, у которой нет имени, но которой можно дать любое из имен, ибо редкая из женщин не перенесла того, о чем пела исполнительница роли. Никаких декораций. О них автор говорит: «Представьте...». Нужно представить скамейку под часами на людной улице — все происходит здесь. А, собственно, что происходит? Любимого ждет женщина. Уверенность — надежда — отчаяние — попытка верить вновь... Так сегодняшнему звучит старая, как мир, тема. Прекрасно донесли ее до слушателя певица Мария Лемешева и Киевский камерный оркестр под управлением заслуженного деятеля искусств УССР Антона Шароева.

Почему моноопера увиделась прологом к разговору? Она обозначила позицию автора в разгоревшемся споре между поклонниками рока и классической музыки. Противник потребительского отношения к искусству, он вновь победил, вызвав в своих слушателях живейшее душевное участие в происходящем на сцене.

И зашуршали блокноты, и полетели записки. «Назовите ваше первое музыкальное произведение», «Ваши любимые поэты?», «Кого выделяете в среде композиторов?», «Как реагируете на шаржи?», «Поделитесь творческими планами»... Интерес к художнику — это интерес к его творчеству, к природе его произведений.

Таривердиев отвечал охотно. Но тут выяснилось, что в задних рядах его не слышно. Переходил от микрофона к микрофону — безрезультатно. Развел руками:

— Увы...

Прекрасный зал, где так чарующе звучит музыка, оказался неподготовленным к разговорному жанру.

Потом звучала только музыка. Исполнялась «Кассандра», другие произведения. Играл Гарри Гродберг (орган), Таривердиев импровизировал. Конечно же, присутствующие в зале были благодарны за чудесные минуты общения с искусством, которые подарил композитор. И вместе с тем...

— Видите ли, — объяснил мне художественный руководитель Александр Васильевич Костин. — Этот вечер — эксперимент. Наш зал не использовался для разговорных жанров. Надо было порепетировать, но не получилось. Конечно, мы вынесли урок из случившегося. Будем радиофицировать зал.

Эксперимент? Но его можно было провести без реплики. Однако, что уж теперь...

Об одном имеет смысл сказать. Размышляя вслух о судьбах серьезной музыки, Таривердиев назвал залы, подобные тому, в котором мы собрались, искрами, из которых, по его мнению, должно возгореться пламя любви к настоящему искусству. Но ведь это зависит и от отношения к делу людей, которые за него отвечают.

М. ДЯТЛОВА.

205